

КАВКАЗЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисъ: въ Канцелярш Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газет. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 30 к.
Полугодовое 4 . 30 к.
Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

Его Императорское Величество соизволило отдать следующие приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ.

Апрѣля 10-го дня 1853 года. Переводится. По Пехотѣ Аншеронскаго Пехотнаго полка Подпоручикъ **КОВАЛЕВСКІЙ** въ Пограничную Стражу, Прапорщикомъ.

Апрѣля 11-го дня. Производится за отличие по службѣ. По Инженерному Корпусу. Кавказскаго Сапернаго баталіона, изъ Поручиковъ въ Штабъ-Капитаны **КУЗНЕЦОВЪ**.

ТИФЛИСЪ.

Управленіе Кавказскаго Учебнаго Округа имѣетъ честь извѣстить, что 12-го числа настоящаго мая мѣсяца назначено испытаніе кандидатовъ, желающихъ для поступленія въ высшія и спеціальныя Учебныя Заведенія Имперіи; а потому родители, родственники и опекуны этихъ кандидатовъ благоволятъ представить

детей къ назначенному сроку, въ Тифлисскую Дворянскую или въ Ставропольскую Губернскую Гимназіи. (Зак. В.)

— 27-го апрѣля, въ 7^{1/2} часовъ пополудни, въ 3-мъ кварталѣ 2 части, по направленію, темныхъ рядовъ въ подвальной лавкѣ штабсъ-капитана Бастамова, показалось пламя отъ вышедшей нефти; огонь мгновенно распространился въ соседнихъ шести лавкахъ, въ коняхъ хранились горючіе матеріалы, какъ-то: нефть, сало, сѣра и т. п., и угрожалъ болѣею опасностью всему темному ряду, составляющему одно огромное сплошное трехъ-этажное зданіе. Быстро прибывшая на мѣсто происшествія пожарная команда застала уже въ шесть лавокъ объята сильнѣйшимъ пламенемъ, опустошительное дѣйствіе котораго прекращено скорымъ и вполне успешнымъ дѣйствіемъ команды, такъ что въ 10^{1/2} часовъ вечера пожаръ былъ потушенъ, не причинивъ значительныхъ убытковъ ни владельцамъ ни лавочникамъ. Причина пожара пока еще неизвѣстна.

ФЕЛЪТОНЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СКРЯГИ.

Сочиненіе Фетъ-Али-Ахундова.

(Переводъ съ Татарскаго).

(Окончаніе).

V.

(Сцена происходитъ спустя дней 12-ть послѣ ареста Гаджи-Кара, въ кочевьѣ. Гейдаръ-Бекъ сидитъ въ кубиткѣ вмѣстѣ съ своею женою, на другой день послѣ свадебнаго вечера. На дворѣ играютъ зурна; поются похвальные пѣсни, молодые люди пляшутъ).

Гейдаръ-Бекъ. Благодарю тебя, Аллахъ, за счастье, которое даровано! не знаю—востъ или наву вижу тебя, Сона! Два года въ бѣгахъ я скитался по горамъ и лѣсамъ... грудь моя была всегда полна страданія и любви къ тебѣ; наконецъ пламенное желаніе мое исполнилось: я соединился съ тобою, не могу вполне поблагодарить Бога за настоящее мое блаженство!

Сона-Ханумъ. Теперь, если хочешь, чтобы Аллахъ продлилъ это блаженство, то перестань ходить на прогулку, потому что я не могу въ другой разъ пережить разлуки съ тобою; если опять придется тебе быть въ бѣствѣ, то я непременно умру съ горя.

Гейдаръ-Бекъ. Не безпокойся на воровство и разбой я не пойду въ другой разъ, и самъ начальникъ просилъ меня объ этомъ; только буду ходить за кон-

трабандою. Сама ты знаешь, что контрабанда доставила мнѣ возможность сыграть нашу свадьбу.

Сона-Ханумъ. Развѣ за это не полагается наказанія?

Гейдаръ-Бекъ. Полагается, если узнаютъ и поймутъ, а меня кто узнаетъ и поймаетъ!

Сона-Ханумъ. Помилуй, какъ можно, чтобы тебя не узнали, если будешь продолжать заниматься контрабандою! это пустая надежда, что тебя не узнаютъ; я не согласна, чтобы ты занимался этимъ дѣломъ; я все-таки за тебя что-то опасуюсь, сердце трепещетъ при одной мысли объ этомъ!

Гейдаръ-Бекъ. Зачѣмъ же сердце безъ причины трепещетъ? вѣдь надобно же имѣть какой-нибудь способъ къ существованію.

Сона-Ханумъ. Итъ, я не пушу тебя ходить за контрабандою; какое-то дурное предчувствіе мучитъ меня!.. мнѣ кажется, что тебя будто преслѣдуютъ и за привезенный тобою франскій товаръ!

Гейдаръ-Бекъ. (Цѣлуя ее). Милая моя! прогони изъ сердца мрачныя мысли. Меня никто преслѣдовать не будетъ. Если ты не соглашаешься, чтобы я впредь ходилъ за контрабандою, то я не огорчу тебя и не пойду.

(Молится жена Гаджи-Кара, Тукезъ).

Тукезъ. Гейдаръ-Бекъ! гдѣ же мой мужъ и его пукеръ?

Гейдаръ-Бекъ. Его нѣтъ еще? мы уже 12 дней, какъ разстались съ нимъ.

Тукезъ. Гдѣ же вы его оставили? зачѣмъ вы его соблазнили и взяли съ собою?

Гейдаръ-Бекъ. Небезпокойся, вѣрно онъ въ какой-нибудь деревнѣ замыкался.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія Египте Варданета. Борьба христіанства съ ученіемъ Зороастровымъ въ пятомъ столѣтіи, въ Арменіи. Переводъ съ армянскаго П. Шавшьева. Тифлисъ, 1853 г.

(Окончаніе).

Исторія народовъ представляетъ намъ много примѣровъ событій, въ которыхъ чело-вѣческая жизнь раскрылась бы въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ борьбѣ христіанства съ ученіемъ Зороастровымъ въ Арменіи. Высокая цѣль борьбы потрясаетъ всю глубину народа и, подобно вулканическому явленію, взметываетъ изъ внутренности его сокровища, невѣдомыя жизненныя силы, поражающія своимъ могуществомъ. Она возвышаетъ и просвѣщаетъ натуру чело-вѣка и даетъ ему прозрѣвать высокія свои обязанности, тогда какъ въ жизни узкой, неосвященной великою идеею, онъ изнашивается безплодно: умъ умалывается, душа дремлетъ и сердце грубѣетъ въ эгоизмъ. Этотъ высокій моментъ въ жизни Армяне испытали въ V вѣкѣ, когда имъ надлежало или подчи-

Тукезъ. Я требую отъ тебя моего мужа, ты взялъ его ты и отдай,—я за него опасуюсь.

Гейдаръ-Бекъ. Пошла прочь! какъ будто онъ ребенокъ былъ, что я могъ его соблазнить и взять съ собою. Жадность его побудила ѣхать съ нами, чѣмъ мы виноваты?

Тукезъ. Я пойду жаловаться на васъ начальнику.

Гейдаръ-Бекъ. Ступай, жалуйся.

Сона-Ханумъ. Ради Бога, Тукезъ, неходи къ начальнику! я заставлю Гейдаръ-Бека отыскать твоего мужа, гдѣ бы онъ ни былъ, и доставить его тебѣ; иди и подожди въ домѣ моей матери.

(Тукезъ удаляется, а затѣмъ вдругъ поднимается шумъ; начальникъ и застѣпель вмѣстѣ со своимъ окруженіемъ кубитку).

Засѣдатель. Начальникъ приказываетъ не трогаться съ мѣста!

Гейдаръ-Бекъ. Что угодно начальнику?

Засѣдатель. Начальникъ требуетъ Гейдаръ-Бека.

Гейдаръ-Бекъ. Я Гейдаръ-Бекъ.

Начальникъ (подходя къ нему). Гейдаръ-Бекъ! ты не исполнилъ моего совѣта и опять ходилъ на разбой. . . ты долженъ ѣхать со мною въ крѣпость.

(Сона-Ханумъ начинаетъ дрожать).

Гейдаръ-Бекъ. Начальникъ! пускай сошлютъ меня въ Сибирь, если это правда! Кого я ограбилъ?

Начальникъ. Ты ограбилъ Агилскихъ армянъ и отнялъ у нихъ шелкъ; дѣло уже открыто: есть улика противъ тебя; я совѣтую, для облегченія тѣры наказанія, сознаться самому и объявить своихъ товарищей.

Гейдаръ-Бекъ. Если кто нибудь уличитъ меня въ этомъ, я дарую вамъ мою кровь.

ниться, по повелію персидскаго царя Іезидгерда, законамъ маговъ, или же все принести въ жертву вѣрѣ во Христа. Они отвѣтили своему властителю вооруженной силой, и въ этой неравной борьбѣ, рѣшившей судьбу христіанства на Востокъ, отстоявъ свои вѣрованія героизмомъ доблѣтели и славою мученичества, доказали, что есть струны въ сердцѣ народа, которыхъ нельзя коснуться безнаказанно.

Борьба эта изумляетъ грандіозностью вызванныхъ ею на сцену страстей и чувствъ: — народный герой Вартанъ—идеалъ святаго патріотизма; Сюнійскій князь Васакъ—идеалъ измѣны и распутства; царь Іезидгердъ—идеалъ тиранин; Маги—идеалъ фанатизма; священники—идеалъ мученичества; жены пльнныихъ христіанскихъ воиновъ—идеалъ христіанской любви; Египше—идеалъ ибнжности. По этому вѣкъ пятый для Арменіи былъ вѣкъ истинно-трагическій, исполненный высокими драматическими интересами, и онъ весь сохранилъ свою живую физиономію въ исторіи Египше, который воспоминанія свои, вынесенныя изъ современнаго ему событія, передалъ языкомъ сердца, «съ полными слезъ глазами». Качества его какъ историка и какъ человѣка—стоятъ на одной ступени величія съ переданнымъ событіемъ. Въ немъ пльняютъ и увлекаютъ насъ свѣтлый умъ, чистая, артистическая натура, то облекающаяся высокою грустію отъ страданій соотечественниковъ, то наполняющаяся святымъ восторгомъ отъ героизма ихъ; душа возвышенная, сквозь которую проходятъ все событія, и воображеніе, погруженное въ созерцаніе вѣчныхъ истинъ. Поэтъ восторженный—онъ въ высокихъ пѣсняхъ воспѣваетъ героизмъ народа и истину. Художникъ—онъ мастерскою кистью очерчиваетъ своихъ героев и превращаетъ въ образы страсти и чувства, ихъ волнующія. Философъ—онъ наставляетъ народы и царей и раскрываетъ глу-

бину христіанской морали. Историкъ—онъ не довольствуется однимъ вѣдшимъ изображеніемъ событія, а объясняетъ его политическую сторону и причины событіями современными и предшествовавшими; анализируетъ глубину страстей и характеровъ своихъ героев; проникаетъ въ ихъ сердца и выноситъ тайныя ихъ помышленія и чувства; критическимъ изложеніемъ Зороастрова ученія проливаетъ новый свѣтъ на религію древнихъ Персовъ; знакомитъ съ духомъ вѣрованій соотечественниковъ, и сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ Персовъ и Армянъ пятаго вѣка. Въ разсказъ его пластическая красота Греціи, гдѣ созрѣлъ его талантъ, соединяется съ роскошью красокъ Востока. Переданныя имъ рѣчи Вартана и священника Леонтія, какъ по красоте языка, такъ и по глубинѣ идей, могутъ служить образцами истинно-высокаго, христіанскаго краснорѣчія. Рѣчи эти, своей художественной стройностью и высокою, энергіею передаютъ—можно сказать—біеніе сердца героя, въ которомъ билось сердце пльаго народа,—и волненіе души, потрясенной энтузіазмомъ героизма и славою мученичества. Египше принадлежитъ къ исторической школѣ древнихъ Грековъ и Римлянъ и своими достоинствами напоминаетъ Тацита, Саллюстія, Полибія и Плутарха. Въ отечественной литературѣ онъ занимаетъ мѣсто между лучшими Историками, а въ сердцѣ народа, черпавшемъ въ немъ всегда крѣпость въ вѣрованіяхъ и твердость въ несчастіяхъ, онъ стоитъ выше всѣхъ народныхъ писателей.

Египше, исторіею своею, воздвигъ безсмертный художественный памятникъ безсмертной славы своихъ соотечественниковъ. Книга его, по величію событія, въ которомъ народъ пролилъ свою долю крови за истину въ потокъ жизни человечества, и героизмомъ своимъ спасъ христіанство на Востокъ,—имѣетъ, кроме литературнаго достоинства, интересъ обще-

человѣческой. Исторія эта, вѣроятно почти на всѣхъ другихъ Европейскихъ языкахъ, не была еще переведена на русскій языкъ. Переводъ ея, по содержанию книги, кроме спеціальнаго образованія и основательнаго знанія армянскаго языка, требуетъ—какъ всякое изящное произведеніе—эстетическаго настроенія сердца,—натуры артистической, способной возчувствовать глубоко и перелать съ любовью все красоты подлинника, все отѣнки и прелести мыслей и чувствъ. Переводъ г. П. Шаншьева, вполне удовлетворяя всемъ этимъ условіямъ, отличается вѣрнымъ, художественнымъ исполненіемъ труда и потому есть прекрасный подарокъ для русской литературы. Переводъ свой онъ украсилъ иллюстрированной картою Арменіи V вѣка, посягающею упоминаемья въ Исторіи мѣста. Въ книгу его вкрались опечатки, но онѣ такъ незначительны, что читатели могутъ сами исправить ихъ.

Чтобы ближе познакомиться съ достоинствами Египше, красотами перевода и характеромъ событія, представимъ здѣсь нѣсколько отрывковъ. Характеръ персидскаго царя Іезидгерда.

«Царь этотъ началъ тѣмъ, что унизилъ гордостью и высокомеріемъ, какъ будто рычаніемъ своимъ онъ могъ поднять вихри въ четырехъ странахъ свѣта, и кончилъ тѣмъ, что провозгласилъ себя врагомъ смертельнымъ всѣхъ вѣрующихъ во Христа. Кроваваго и неистовый сердцемъ, онъ ненавидѣлъ покой и безпрерывно искалъ случая излить желчь и размятуть стрѣлы безчисленныя, накопившіяся уже въ его колчанѣ.» (стр. 9).

Изображеніе маговъ.

«Они, подобно горнилу пламеньющему, готовились сокрушить члены церкви святой. Въ глубокомъ мракѣ живутъ эти фанатики, души которыхъ подобны живому существу, зарытому въ могилу, куда не проникаетъ ни единый лучъ божественный. . . Занемлемъ вра-

Начальникъ. Халиль-Юзбаша! позови того армянина.

(Халиль-Юзбаша представляетъ Охана).

Начальникъ. Послушай! посмотри этотъ ли встрѣтился съ вашей командою?

Гейдаръ-Бекъ. Начальникъ! неужели вы повѣрите свидѣтельству такихъ мужиковъ противъ меня.

Начальникъ. Нужды нѣтъ, правду отъ всякаго можно принимать, и отъ мужика и отъ дворянина.

Оханъ. Ваше высокоблагородіе! я вовсе не мужикъ; я уже 20 лѣтъ служу мѣстнымъ начальникомъ, имѣю около 15 аттестатовъ о своихъ заслугахъ, за храбрость и самоотверженіе при поимкѣ разбойниковъ! Вотъ извольте посмотреть мои аттестаты.

(Подаетъ начальнику кучу аттестатовъ).

Начальникъ. Оставь ихъ у себя, теперь некогда разбирать твои заслуги! Расскажи какъ была встрѣча ваша.

Оханъ. Я имѣю даже свидѣтельство о бекомъ моемъ достоинствѣ—извольте прочесть.

(Показываетъ свидѣтельство).

Начальникъ. Оставь свои доказательства о происхожденіи! . . .

Гейдаръ-Бекъ. Начальникъ! дѣти сомнительныхъ отцевъ прибѣгаютъ къ чужимъ свидѣтельствамъ доказывая благородство своего рода.

Оханъ (Гейдаръ-Беку). Если бы ты произнесъ эти слова не въ присутствіи начальника, а въ другомъ мѣстѣ, отвѣтъ ты получилъ бы изъ дула моего ружья! . . . Ваше высокоблагородіе! я въ последнемъ камеральномъ описаніи записанъ бекомъ, а этотъ хочеть отвергнуть мое бекомское происхожденіе. Окажи правосудіе, дабы я не сдѣлался несчастнымъ. . .

Начальникъ (вспыхнувъ отъ досады). Я сейчасъ велю разложить тебя и дать тебѣ 30 розогъ, чтобы ты совершенно позабылъ свое бекомство, если не будешь отвѣчать прямо на мой вопросъ!

Оханъ (задрожавъ отъ страха). Ваше высокоблагородіе! онъ вмѣстѣ съ товарищами встрѣтилъ нашу

команду съ оружіемъ въ рукахъ; насъ было всего 10, а ихъ 20, иначе мы поймали бы ихъ. Мы убѣдились, что Аглицкіе армяне были ограблены ими.

Гейдаръ-Бекъ. Начальникъ! онъ совершенно ложно клеветаетъ на меня.

Начальникъ. Вамъ, татарамъ, трудно вѣрить, потому что вы ни въ чемъ не сознаетесь; вотъ одинъ и насъ также не признается, что онъ ограбилъ Тугскихъ жнецовъ. Халиль-Юзбаша! подай его сюда.

(Халиль-Юзбаша представляетъ Гаджу-Кара).

Начальникъ (Гейдаръ-Беку). Ты знаешь его?

Гейдаръ-Бекъ. Знаю. Онъ самый смѣлый чело-вѣкъ и не разбойникъ и не воръ.

Начальникъ. Такъ стало быть эти безоружные армяне хотѣли его ограбить? какой ты вздоръ говоришь! ты самъ первый разбойникъ, а этотъ твой товарищъ; отдай свой кинжалъ: ты арестантъ.

(Гейдаръ-Бекъ снимаетъ кинжалъ. Сона-Ханумъ начинаетъ дрожать; въ это время является есауль отъ Джаванширскаго засѣдателя).

Есауль (начальнику). Ваше высокоблагородіе! разбойники, ограбившіе Аглицкихъ армянъ, все уже пойманы нашимъ засѣдателемъ, вмѣстѣ съ ограбленными товарами; чрезъ три часа вы получите подробное письменное донесеніе.

Засѣдатель. Вѣрно они татары же?

Есауль. Точно такъ, ваше благородіе.

Начальникъ (засѣдателю). Неужели ты думалъ, что англичане или французы?

Оханъ. Ваше высокоблагородіе! изъ насъ никогда не бываетъ разбойниковъ.

Начальникъ. Молчи! это не отъ вашей честности, а оттого, что вы не умѣете. . .

Есауль. Ваше высокоблагородіе! Засѣдатель поймалъ одного низкаго роста контрабандиста, на сѣромъ конѣ, съ вьюкомъ контрабанды, и препроводилъ вмѣстѣ со мною къ вамъ.

(Гаджу-Кара при этихъ словахъ перемѣняется въ лицѣ).

Начальникъ (есаулу). Подай его сюда! (Есауль отходитъ). Ужасный народъ! вездѣ шали: удержи-вашь его отъ воровства, дѣлается контрабандистомъ, останавливаешь отъ контрабандства, дѣлается разбойникомъ,—управляй имъ какъ хочешь! . . .

(Есауль представляетъ Карамали; Гаджу-Кара, при его появленіи, съ крикомъ падаетъ на землю, какъ отъ надуемой болызни).

Начальникъ (въ изумленіи). Что съ нимъ случилось? зачѣмъ онъ упалъ?

(Засѣдатель, Халиль-Юзбаша суетятся привести его въ чувство).

Начальникъ (къ Карамали). Отъ чего этотъ чело-вѣкъ, при твоёмъ появленіи, упалъ на землю?

Карамали. Не знаю.

Начальникъ. Ты съ кѣмъ вѣдилъ за контрабандою?

Карамали. Я ни съ кѣмъ не вѣдилъ за контрабан-дою.

Начальникъ. Такъ; ты одинъ вѣдилъ?

Карамали. Никогда и одинъ не вѣдилъ.

Начальникъ. А чей же пойманный вьюкъ?

Карамали. Не знаю.

Начальникъ. Какъ же не знаешь! вѣдь тебя поймали на сѣромъ конѣ?

Карамали. Точно.

Начальникъ. Вьюкъ на немъ же былъ? стало-быть ты самъ положилъ вьюкъ на лошадь?

Карамали. Я никогда не клалъ его на нее.

Начальникъ. Кто же положилъ?

Карамали. Не знаю. Можетъ быть чертъ положилъ.

Начальникъ. Голубчикъ! мы черта знаемъ; у него много проказъ, но контрабандою онъ никогда не занимается; скажи правду, а то я шкуру сниму съ тебя.

Гейдаръ-Бекъ. Начальникъ! позвольте мнѣ доложить вамъ истину.

Начальникъ. Говори.

Гейдаръ-Бекъ. Я виноватъ предъ вами и теперь сознаюсь въ своей винѣ: я вмѣстѣ съ двумя другими товарищами соблазнилъ этого чело-вѣка (указывая

говъ вѣншихъ, раздрають они самихъ себя, оправдывая слова Пророка: «человѣкъ алчущій влачится и пожираетъ половину самого себя...» (стр. 12).

Правственное паденіе человѣка.

«Когда человѣкъ лишень добродѣтелей небесныхъ, тѣло его самымъ плачевнымъ образомъ чувствуетъ это лишеніе. Малѣйшее дупленіе волнуешь его, малѣйшая случайность тревожить, все приводитъ въ содроганіе, жизнь проходить какъ сонъ. Отчаянный, бросается онъ на встрѣчу смерти и исчезаетъ въ ней. «Смерть неизвѣстная есть смерть, сказалъ кто-то въ древности; но смерть—безсмертіе для того, кто знаетъ ее. Тотъ, кто не предвидитъ ее—страшится; но безстрашно ждать ее тотъ, кто знаетъ ее.» (стр. 25—24).

Мѣста изъ отвѣта собранія народа, посланнаго къ главному министру Персовъ, на письмо, въ которомъ Миръ-Персе, отъ имени Іезидигерда, предлагалъ Армянамъ принять вѣрность властителей.

«Не опорюю человѣка распространилась она (религія) по всей вселенной, а въ самой себѣ заключаетъ причину твердаго своего основанія... Ты самая рука, которая создала міръ, начертала на каменныхъ скрижаляхъ законъ миролюбивый и святой, составляющій все наше ученіе... Никто не можетъ поколебать въ насъ этой вѣры—ни ангелы, ни люди, ни огонь, ни вода, ни сѣкира, ни самая горячая гнилая мука міра сего. Все наше имущество и богатство въ рукахъ вашихъ и тѣла наши предъ вами, дѣлайте съ ними что хотите... тебѣ пытать, намъ принимать пытки. Мечъ твой, выи наши... Пусть не говорятъ намъ болѣе отречься христіанства. Мы дали обѣты наши не человѣку, а Богу и на вѣкъ. Уничтожить эти обѣты невозможно, ни теперь, ни позже, ни спустя много вѣковъ, ни во вѣки вѣчныхъ.» (стр. 48, 50 и 65—67).

Отвѣтъ армянскихъ князей Іезидигерду, на повелѣніе его отречься отъ христіанства. (76, 77).

«Нѣтъ государь, не бываетъ этому и не говори намъ объ этомъ! Церковь не есть ни учрежденіе человеческое, ни милость солипа, котораго и ты и другіе ошибочно величате богомъ и которое не только не богъ, но даже и не живущее существо. Церковь не есть даръ парекій, ни твореніе искусства, ни вымыселъ философовъ, ни добыча воиновъ, ни дѣйствіе обманчивыхъ плутней демоновъ, ни произведеніе стихій; ни отъ одного изъ поименованныхъ мною источниковъ не получила она своего основанія... Основаніе церкви нашей заложено на камнѣ твердомъ, котораго ничто, ни на землѣ, ни на небеси, ни поколебать, ни сокрушить не можетъ.»

Изъ разказа предводителя маговъ, посланнаго въ Арменію, вмѣстѣ съ персидскими войсками, для уничтоженія христіанства,—о славѣ мученичества Армянъ при царѣ Шапу.

—«Наконецъ велѣлъ царь запретить все церкви въ царствѣ своемъ и положить на дверяхъ каждой печатъ царскую. Христіане превратили въ церкви дома свои и всюду находили средства и возможность совершать служеніе Богу. Этого мало, они почитали самихъ себя благороднѣйшими молебными Господними, лучшими храмомъ, превосходящимъ все зданія, изъ глины и камня построенныя; сѣкиры палачей иступились, а головы христіанъ одна за другой не переставали склоняться подъ ихъ удары.» (стр. 100—101).

Народное возстаніе въ Арменіи.

—«Все отвѣчали на призывъ, все возстали до послѣдняго; не только мужчины мужественные, —но и женщины, доблестныя какъ мужья ихъ, все собрались вооруженными шлемомъ, мечемъ за поясомъ и щитомъ въ рукѣ.» (стр. 95—96).

И далѣе:

—«Армяне, казалось, въ то время составля-

ли между собою единую душу и единое сердце. Нельзя было различить ни слугъ отъ господъ ихъ, ни именитаго князя, взрослога въ наслажденіяхъ, отъ привыкшаго къ грубой и тяжелой работѣ земледѣльца. Мужчины, женщины, старцы, дѣти—все соединились во Іисусѣ Христѣ, все вооружились однимъ оружіемъ, облеклись въ одну броню вѣры и ополчились единымъ поясомъ истины...» (стр. 111—112).

Какъ картинно обрисовать вѣроотступникъ—Сюнійскій князь Вассакъ.

—«Онъ сдѣлался сосудомъ отверженія. Демонъ наполнилъ его коварными хитростями ада, вздѣлъ на руку какъ щитъ, облачился имъ какъ оружіемъ и сталъ совершенный воинъ своей воли...» (стр. 155).

Изъ рѣчи народнаго героя—главнокомандующаго Вартана Мамиконіана, произнесенной имъ предъ собравшимися въ долину Артазской армянскими войсками.

—«Прошу васъ, храбрые мои сотоварищи, умоляю: многіе изъ васъ превышаютъ меня и въ доблести и въ достоинствахъ фамилій, идите по стопамъ доблестныхъ отцевъ вашихъ. Такъ какъ вы выбрали меня добровольно вашимъ военачальникомъ, выслушайте внимательно слова мои, да найдутъ они отголосокъ въ сердцахъ вождей и воиновъ. Да не устрашитъ насъ эта несмѣтная толпа язычниковъ, да встрѣтитъ грудь нашу смертоносная ихъ сабля... Смотрите, да не очернитъ вашего мужества черная измѣна!..»

Недавно еще въ двухъ или трехъ сраженіяхъ мы съ помощью всемогущаго Бога одержали победы блистательныя. Мы разбили и разсѣяли войска царекій, перерезали безпощадно маговъ и очистили страну во многихъ мѣстахъ отъ идолопоклонства; наконецъ поправили ногами и уничтожили приказъ гнуснаго Іезидигерда. Волненіе моря затихло, угасли высокія волны, сбѣжала пѣна и свирѣпая злоба нашего тирана успокоилась. Тотъ, кто гремѣлъ

на Гаджю-Кара), мы увели его съ собою за контрабандою; похищенный товаръ принадлежитъ ему, а этотъ человѣкъ (указывая на Карамали) его нукеръ, а какъ онъ величайшій скряга, то, увидя свой товаръ въ вашихъ рукахъ, упалъ на землѣ отъ чувства сильной горести; Армяне же остановлены были имъ на дорогѣ также изъ опасенія со стороны ихъ за свой товаръ.

Начальникъ. Теперь дѣло объяснилось; кто же былъ твой товарищъ?

Гейдаръ-Бекъ. Аскеръ-Бекъ и Сафаръ-Бекъ.

Начальникъ (засѣдателю). Позвать ихъ сюда!

Засѣдатель. Сейчасъ. (Посылаетъ за ними есаула).

Начальникъ. Гейдаръ-Бекъ! ты не виноватъ въ ограбленіи Армянъ; но ты контрабандистъ, по законамъ долженъ быть подъ арестомъ, —ты пойдешь со мною въ Шушу.

Гейдаръ-Бекъ. Повинуюсь.

Сона-Ханумъ (схвативъ за спортукъ начальника, со слезами на глазахъ). Начальникъ! лучше вели убить меня, а его не увозите и не разлучайте меня съ нимъ.

Начальникъ. Гейдаръ-Бекъ! кто она такая?

Гейдаръ-Бекъ. Это моя жена, я только вчера соединился съ нею; она единственная виновница настоящаго моего несчастія.

Начальникъ. Какъ такъ?

Гейдаръ-Бекъ. Мы другъ друга сильно любили, я денегъ не имѣлъ, чтобъ сыграть свадьбу, пошелъ за контрабандою и хотя осуществилъ свое намѣреніе приобретенными деньгами, но попалъ въ настоящую бѣду; теперь разлука съ женою для меня хуже смерти.

Сона-Ханумъ. Умоляю васъ! не разлучайте его со мною, я впредь его удержу отъ всевозможныхъ дурныхъ поступковъ.

(Въ это время присходятъ Аскеръ-Бекъ и Сафаръ-Бекъ, за ними является жена Гаджю-Кара и мать Сона-Ханумъ).

Начальникъ. Эти твои товарищи?

Гейдаръ-Бекъ. Точно такъ, начальникъ; я за ваше великодушіе вмѣстѣ съ товарищами готовъ смыть свою вину кровью, сражался противъ непріятелей. Аскеръ-Бекъ и Сафаръ-Бекъ. Мы готовы заслугами загладить свой грѣхъ.

Тейбе-Ханумъ. Начальникъ! сжалитесь надъ моею дочерью, не разлучите ее съ Гейдаръ-Бекомъ: она у меня единственная дочь, она умретъ отъ горести.

Начальникъ (засѣдателю). Право мнѣ жаль ихъ. Нельзя ли ихъ отдать на поруки, пока я донесу объ этомъ дѣлѣ высшему начальству?

Засѣдатель. Можно.

Начальникъ. Такъ распорядитесь объ этомъ.

Засѣдатель. Слушаю.

Тукезъ (повернувшись къ ногамъ начальника). И моего мужа прикажите отдать на поруки.

Начальникъ (къ Гаджю-Кара, уже опомнившемуся). Будешь ли опять заниматься контрабандою!

Гаджю-Кара. Никогда не буду! пускай я умру безъ покаянія, если въ другой разъ рѣшусь на такое дѣло, я буду молиться за васъ и непрежнему стану оказывать заслуги Правительству.

Начальникъ. Какія заслуги ты прежде оказывалъ?

Гаджю-Кара. Я ежегодно плачу до 50 тумановъ пошлины въ таможену.

Начальникъ. Это ты считаешь заслугою?

Гаджю-Кара. Не я одинъ и другіе такъ считаютъ; меня слѣдовало бы наградить золотомъ медалью за доставляемая мною въ казну выгоды.

Начальникъ. Такъ не тебя одного, а съ другими вмѣстѣ, по едва ли вашихъ денегъ достанетъ на вылитіе намъ медалей (къ засѣдателю). Отдайте и его на поруки, отпусти и Армянъ и нукера этого купца.

Гаджю-Кара. Мой товаръ прикажите возвратитъ мнѣ.

Начальникъ. Ну, этого ты подожди немножко!

Гаджю-Кара. Я умру безъ него, начальникъ.

Начальникъ. Какъ хочешь—воля твоя. (Обращаясь къ бекамъ). Вашему благородному происхожденію

неприлично марать себя дурными поступками; какъ порокостно и разбой, такъ и контрабанда равномерно запрещены Правительствомъ; кто нарушитъ повелѣнія Царя, тотъ согрѣшитъ передъ Богомъ; Царь наказываетъ виновныхъ въ этомъ мірѣ, Богъ възыскиваетъ съ грѣшныхъ на томъ свѣтѣ, а напротивъ, кто въ этомъ мірѣ исполнитъ волю Царя, тотъ удостоится награды и милостей отъ Него, и кто соблюдаетъ Законы Божіи, тотъ на томъ свѣтѣ будетъ въ раю. Начальство милостиво, оно можетъ быть простить васъ, но впредь вы должны съ чистымъ сердцемъ доказывать въ дѣлахъ свою благонамѣренность, удаляясь отъ всехъ предосудительныхъ предпріятій.

Беки. Душею принимаемъ ваше наставленіе!

Начальникъ (обращаясь къ Сона-Ханумъ). Смотри хорошенько за мужемъ, онъ свободою обязанъ твоимъ слезамъ, моя красавица...

Сона-Ханумъ. Буду, и не допущу его до дурныхъ поступковъ.

Начальникъ. Благодарю. Твое поручительство вѣрнѣе поручительства другихъ. Прощайте. (Хочетъ уйти)

Гаджю-Кара. Начальникъ! есаулы, при поимкѣ меня, вынули изъ кармана моего пол-абаза; прикажите возвратитъ!

Начальникъ (засѣдателю). Вели удовлетворить его и объяви есауламъ, что я уже пріимусь за нихъ за подобные ихъ проделки.

Гаджю-Кара. Да умножитъ Аллахъ дни вашей жизни!

(Начальникъ уходитъ, за нимъ и прочіе. Татары начинаютъ опять играть въ зурну, пѣть пѣсни и плясать, потомъ расходятся).

въ облакахъ, говоря съ нами, сошелъ съ высоты обычной и смирился передъ нами; тотъ, кто думалъ, что однимъ словомъ повелѣнія достигнетъ исполненія нечестивыхъ предпріятій противъ святой церкви, дошелъ до того, что долженъ теперь помиряться съ нами оружіемъ, латами, никою и саблею въ рукахъ. Онъ думалъ, что мы облачили въ христіанство, какъ одеждою. Но можетъ-ли онъ переимѣнить цвѣтъ нашей плоти! Когда бы онъ и достигъ этого, то измѣненіе наше было бы не менѣе невозможно. Звѣра наша утверждена на камнѣ неподвижномъ, не на землѣ, но въ высоту небесъ, гдѣ не падаетъ дождь, не свиститъ буря, не разливаются потоки, гдѣ никто поколебать ее не можетъ. Но это нерукотворное зданіе Иисуса Христа мы построили въ небѣ, гдѣ ни чья рука не достанетъ его. Мужайтесь же, о друзья мои! Будьте вѣрны нашему истинному военачальнику, который не забудетъ геройскихъ подвиговъ мучениковъ своихъ. Мужайтесь, доблестные сотоварищи! Это милость божественная, въ которой проявляется высочайшее могущество Его: онъ даруетъ нашей слабой человеческой природѣ милость—умереть свидѣтелями божественности Иисуса Христа... Умереть, скрѣпите кровью нашею Евангеліе, какъ сдѣлалъ Иисусъ Христосъ, чему желали бы подражать и небожители, еслибъ имъ было это возможно.... Сотоварищи! повелѣваетъ нами не какой-либо обыкновенный полководецъ, повелѣваетъ нами вождь мучениковъ. Страхъ сѣть признакъ невѣрія; давно уже это невѣріе намъ чуждо: да будетъ же страхъ на вѣки вѣковъ изгнанъ изъ помышлений и духа нашего.» (стр. 168—171).

Изъ проповѣди священника Леонтія предъ всю армію.

— «Кто истинною вѣрою соединился съ Иисусомъ Христомъ, тотъ видитъ Его въ очахъ души своей, ясно созерцаетъ невидимый свѣтъ ея и таинственнаго, которое съжесачно, ежеминутно стоитъ на горизонтѣ небесномъ и привлекаетъ взоръ чистый и освещенный къ созерцанію предметовъ, недоступныхъ существамъ сотвореннымъ и къ поклоненію таинства святой Троицы. И тотъ, кто имѣлъ счастье вознестись душою и разумомъ до выси царства блаженствъ, сочувствуетъ истинно блаженству набранныхъ и радуется счастьемъ невозмутимымъ. Никогда, нѣтъ, никогда, благородные вельможи, возлюбленные братья мои, никогда не сойдемъ мы съ высотъ божественныхъ на землю, чтобы влечь жизнь въ страстяхъ ея... Есть люди, которые пользуются на землѣ счастьемъ наружнымъ: они утопаютъ, такъ сказать, въ наслажденіяхъ богатства и величія въ этой преходящей жизни; они гордятся почестями и саномъ своимъ, они-то и лишены жизни истинной. И существуетъ ли развратъ, который бы не примѣшивался къ ихъ наслажденіямъ? Богатство свое составили они грабежемъ имущества бѣдныхъ, превратили въ распутство святые узы супружества, и наконецъ каждому своему пороку, каждой страсти приносятъ жертвы и поклоняются имъ какъ богамъ.... Вы знаете, что въ прежнія времена, когда вы ходили въ сраженіе, существовало обыкновеніе, чтобы вамъ сопутствовали священники, они благословляли васъ и вы оставляли ихъ при началѣ сраженія, гдѣ нибудь въ безопасномъ мѣстѣ; а нынѣ, между вами епископы, священники, дьяконы, псалмисты и чтецы со всемъ своимъ причетомъ. Они вооружились духовно, чтобы следовать за вами на войну и напастъ вмѣстѣ съ вами на враговъ истинны... До сихъ поръ глазами вѣры видали они муки пророковъ; нынѣ глазами тѣла видятъ ваши великія мученическія дѣянія» (стр. 185—186).

Художественною кистию написана картина

великаго сраженія, даннаго доблестнымъ Вартаномъ Персіанамъ 2 іюня 451 года, на полѣ Аварайра (въ долину Артазской), гдѣ оказавъ чудеса храбрости, палъ онъ вмѣстѣ съ храбрými воинами.

«Раздался сигналъ и обѣ стороны бросились другъ на друга съ ожесточеніемъ и яростью неимоверною. Крики, раздающіеся изъ среды этой великой массы людей, уподоблялись крику дикихъ зверей или удару грома, раскаты валяющагося въ облакахъ, и отъ страшнаго шума ихъ содрогались пещеры горъ отдаленныхъ. Ослабительные лучи солнца, ударя на броню воиновъ, на железо шпикаровъ и сталь копій и мечей, кололи глаза, а взмахиванье мечей и колебаніе пикъ вились свергающимъ огнемъ, какъ молнія, бороздящая небо въ бурный день. Никто не въ состояніи описать страшной сумятицы, гдѣ смѣшались крики людей, столкновеніе щитовъ и свистъ стрѣлъ—все это заглушало слухъ. Съ обѣихъ сторонъ бились съ одинаковымъ ожесточеніемъ и въ кровавой этой битвѣ храбрые выходили изъ рядовъ, герои врывались въ ряды неприятельскіе, слабые напротивъ унывали, а трусы приходили въ отчаяніе...» (стр. 195).

Армяне, не вѣря обѣщанному имъ отъ царя прощенію, покидаютъ свои жилища.

— «Юноши и молодыя дѣвушки и множество мужиковъ и женщинъ направили стоны свои къ пустынямъ и укрывались въ урвѣнныхъ мѣстахъ и ущельяхъ пустынныхъ горъ... Пѣніе псалмовъ было ихъ единственнымъ развлеченіемъ, а чтеніе святыхъ молитвъ усаждало въ несчастіи. Каждый самъ по себѣ былъ храмомъ Господнимъ, самъ былъ служителемъ священнымъ: тѣло было олтарею, а душа жертвоприношеніемъ.» (стр. 207—208).

Отрывокъ изъ воспоминанія о героической добродѣтели женъ пльннхъ христіанъ. Воспоминаніе это отражаетъ въ себѣ все прелести ихъ высокой любви, любви добродѣтели, пльное, прекрасное сердце историка и чистое, неспорочное его воображеніе.

— «Всѣ онѣ были обѣяты ангельскимъ соревнованіемъ—отказаться благу и удовольствію міра, и жены благородныя, и жены простолюдиновъ облечены въ одно мужество вѣры и въ одно терпѣніе добродѣтели. Онѣ изгладили изъ своей памяти все, что могло напоминать имъ прежнюю пышность. Онѣ несли бремя своей жизни, какъ закоснѣлые въ трудахъ земледѣльцы, и какъ будто съ самаго младенчества привыкли выносить тяжкія лишенія, налагаемая бѣдностію.... Не оставалось ни одной жемчужины для украшенія доблестной груди ихъ, ни одного камешка для благороднаго чела ихъ. Нежныя жены армянской страны, влелевнины съ дѣтства въ нѣгѣ и роскоши, воспитанныя на софахъ и мягкихъ подушкахъ, ходили теперь изъ сырыхъ жилищъ своихъ босыми въ церковь Божию или молебно — испрашивать у Бога пламенными молитвами благодатную силу выносить терпѣливо тяжкое горе жизни.... Уста ихъ произносили только стихи псалмовъ и единственнымъ утѣшеніемъ ихъ было чтеніе пророковъ. Онѣ сходились часто между собою, чтобы вѣрно нести свое иго, идти по одному пути въ рай и достигнуть, не сбываясь съ пути, обители міра и покоя. Онѣ сбросили слабость пола своего и стали доблестными воинами на духовной войнѣ. Онѣ боролись съ грѣхами, къ которымъ клонила ихъ невольнаго природная слабость, и вырывали ихъ съ смертоноснымъ корнемъ.... Дѣдъ многихъ зимъ растаялъ; весна нѣсколько разъ уже возвращала ласточекъ: все радовалось сердце человека; но жены пльннхъ христіанъ тѣтно ждали радостнаго возврата возлюбленныхъ своихъ супруговъ. Видъ цвѣтовъ весеннихъ напо-

миналъ имъ ангельскую и чистоту (1) любви возлюбленныхъ и взоры ихъ жаждали отдохнуть на прекрасныхъ ихъ образахъ. Охотничья гончія сабаки благородныхъ вельможъ погибли одна за другою въ отсутствіи своихъ господъ, и перестали ржать борзые кони ихъ.... И такъ, все волновало тоскою убійственной души этихъ доблестныхъ женъ; но онѣ неустойчиво исполняли святой долгъ добродѣтели. Въ глазахъ другихъ онѣ казались печальными вдовами въ траурѣ и уныльми; но внутренно были утѣшены любовью божественною. Онѣ наконецъ перестали спрашивать путешественниковъ, возвращавшихся изъ земель далекихъ: «Увы, когда увидимъ мы прекрасныхъ друзей нашихъ!»... (стр. 338, 340, 341, 343, и 344).

Кто въ этихъ строкахъ, описывающихъ поле Аварайра, гдѣ палъ Вартанъ, не узнаетъ мастерской кисти художника и потрясающаго голоса вдохновеннаго пророка.

— «Поле Аварайра, убитенное костями героевъ и упитанное кровью святыхъ, дрогнетъ радостью подъ ногами мученика гораздо сильнѣе, нежели принимая въ себя живительную влагу обильнаго дождя. И когда ноги вѣчнаго мученика коснутся этого обширнаго поприща нашихъ сраженій; когда живой мученикъ сойдется съ мучениками павшими; когда живой съ живыми пройдетъ рука объ руку: тогда снова воскреснетъ къ жизни вся Армнія» (стр. 317—318).

Поле это напомнило намъ современнаго армянскаго поэта Напетта, воспѣваго Египсе и героя его Вартана, въ прекрасной поэмѣ «Соловей поля Аварайра», кончающейся псеною Египсе:

— «Гдѣ ты, Вартанъ! чтобы благоговѣть предъ челою твоимъ, на которомъ персть Божій, въ память твоей великой смерти, начертить: пройдутъ вѣка—ты пребудешь вѣченъ.

— Такъ пѣла душа Египсе, созданная для любви, и съ твѣю ночью скрылась. Соловей, съ горы услышавъ ту псню, вторилъ въ ночь глубокую ей: Вартанъ, Вартанъ (1) (2)....»

Д. Меликовъ.

(1) Вартъ по армянски значить: роза.

(2) См. журналъ «Базманъ», издаваемый братствомъ Мхитаристовъ въ Венеціи. 1847 г. № 19.

Примѣчаніе. Исторія Египсе продается въ армянской библиотекѣ, у Фидаджянца, по 2 р. 50 к. сер.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ 3-мъ кварталѣ 2-й части города Тифлиса отдается въ наемъ принадлежащій наследникамъ умершаго коллежскаго assessora Егора Шароева домъ, изъ 4-хъ чистыхъ комнатъ съ кухней, людскою, подвалами и другими службами; а потому желающіе нанять этотъ домъ благоволятъ обратиться къ опекуну надъ имѣніемъ Шароева коллежскому советнику Автандилову, отъ котораго могутъ получить свѣдѣніе какъ о подробностяхъ условій, такъ и о наемной платѣ.

ПРИБЪХАЛИ: Апрѣля 30-го: изъ Елисаветополя Тайный Советникъ баронъ Менендорфъ, изъ Сарталя Дѣйствительный Статскій Советникъ Фадисевъ, мая 1-го: изъ Мухрванн Генераль-Маіоръ Бриммеръ.

ВЫБЪХАЛИ: Апрѣля 29-го: въ Закаталы Дѣйствительный Статскій Советникъ Андреевскій, Полковникъ Морсницъ, Полковникъ князь Тархановъ, Камеръ-Юнкеръ Статскій Советникъ графъ Соллогубъ и Коллежскій Советникъ Золотаревъ, въ Кахетію Генераль-Лейтенантъ князь Андрониковъ. 30-го: въ Елисаветополь Генераль-Лейтенантъ Редъ, во Владикавказъ Генераль-Маіоръ баронъ Врангель.

По недостатку мѣста метеорологическія наблюденія прилагаются къ этому № отдѣльно напечатанныя.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.